

БЫЛО очень смешно. Девочка рядом со мной тоненько всхлипывала и дергала маму за плечико: «Ну, посмотри, ну, посмотри!». А мама никак не могла посмотреть — она отирала ладонью слезы, черные от косметики. Цирк стонал, хохотал, хлопал в ладоши...

И тут вышел Конфуз (с большой буквы). Точнее, его вынесли. Держа в руке котенка с таким ужасным для любого артиста именем, на манеж выбежал худенький невысокий брюнет в непомерно больших башмаках и тельняшке с широкими черно-желтыми полосами. Он спешил спасти погибающего от шекотки рыжеватого уальсы в желтой рубашке с черными кружками и просторных, как паруса, брюках. Вся беда была в том, что под штанину Рыжему забралась ма-ленькая белая мышка.

Ну-с, дальше я рассказывать об этой сценке не буду, поскольку описывать комические пантомимы — одно из самых непродуктивных занятий. К тому же читатели и сами имеют возможность в какой-нибудь теплый летний вечер превратиться в зрителей нового Московского цирка. И весь этот вечер на арене будут заслуженные артисты РСФСР клоуны Геннадий Маковский и Геннадий Ротман.

Наш разговор с ними в один из недавних дней начался перед спектаклем, продолжился в антракте и закончился поздно вечером по пути к метро «Университет». И все время в гримбурную, где мы беседовали, кто-то входил, здоровался, хлопал клоунов по плечу (и меня заодно). Здесь же готовились к выходу на арену жены артистов Галина Шишкова (Ротман) и Ольга Свирина (Маковский), а на полу играл с котенком сыншишка Маковских — Виталик...

ТЕМ не менее интервью состоялось.

Г. Ротман: — Знакомьтесь: перед вами герой пословицы «В семье не без клоуна». 33 года назад в Нижнем Тагиле в почтенной семье потомственных металлургов родился Гена Маковский. (Он же — Рыжий).

Затем детство, школа, самостоятельность, армия. Уволившись в запас, ефрейтор Маковский поступил на эстрадное отделение ГУЦЭИ. Там мы и встретились.

Г. Маковский: — Гена Ротман (Черный) родился в городе Кемерове. Ему 31 год, воинское звание — «рядовой необученный». Должен был бы при одном моем появлении становиться «во фрунт».

(«Воольно», рядовой Ротман, сидите, я разрешаю...).

В отличие от меня Гена из цирковой семьи. Отец его был сатириком, встречался такой жанр на манеже. Мама работала в аттракционе знаменитой иллюзионистки Клео Доротти.

В ГУЦЭИ Ротман учился на музыкального эксцентрика, а стал, как видите, коверным.

Г. Ротман: — Я уж и не помню, кто нас надушил — дело было давно, — но в общем решили мы с Маковским попробовать буффонаду. Показали свою программу комиссии, и нам сказали: «Забудьте про эстраду и про музэксцентрику. Ваше дело — цирковая клоунада». На том и порешили...

Г. Маковский: — Могу добавить, что мы работаем вместе уже девять лет, объездили всю страну, побывали на гастролях в Латинской Америке, Японии, Австрии, учимся заочно на факультете цирковых режиссеров ГИТИСа.

Г. Ротман: — Хобби, как говорится, у нас тоже имеются. Я люблю музыку, коллекционирую магнитофонные записи, а Маковский обожает детективы. Интересует его в них, главным образом: кто убил? Был момент, когда могло произойти самое комическое событие за всю нашу комическую историю. Клоун Рыжий захотел поступить на юридический и стать следователем. Вот была бы потеха — «Весь вечер на манеже следователь по особому важному делу»...

ЗДЕСЬ наш разговор оборвался. Из репродуктора раздался голос: «Товарищи артисты, дан второй звонок!». И мы отправились делать свое дело: Ротман и Маковский — смешить (хоть и не любят клоуны этого слова, но работа их состоит именно в этом), а я — смеяться...

Давно замечено: если публика в цирке видит униформу (команду ловких, одинаково одетых молодцов, которые меняют реквизит, поддерживают страховочные тросы, помогают артистам), то это значит, что или номера скучные, или клоуны несмешные.

В программе «Огни нового цирка» униформы не видно. Эти парни скользили, как тени, мимо сосредоточенных взглядов зрителей. Один за другим шли номера, хотя и несколько нервные, но все же яркие, оригинальные и, если можно так выразиться, острые. С пер-

цем... Народный артист РСФСР жонглер Александр Кисс, музыкальные эксцентрики заслуженная артистка РСФСР Елена Амвросьева и Георгий Шахнин, чечено-ингушские джигиты, исполнившие под руководством Тамерлана Нугзарова в конце первого отделения нечто красивое, лихое и экзотичное под названием «Горская легенда», — все эти артисты сделали бы честь любому цирковому спектаклю.

Но больше всего публика радовалась все-таки именно клоунам. Эта пара — самонадеянный, задиристый, даже несколько нахальный Маковский и нежно-лукавый и вместе с тем чуть нанивный Ротман — не стремились вызвать у нас гомерический хохот. Реприза с мышкой, в общем, исключение в их репертуаре. А большинство своих пантомим они наполняют чем-то таким, что вызывает улыбку, легкий смех, пробегающий по рядам, как

что вторая половина представления изобирует, к сожалению, томительными, нецирковыми, пустыми паузами.

Авторы программы стремились продемонстрировать москвичам все технические чудеса нового цирка. И в результате, что называется «прямо на глазах у изумленной публики», происходит смены обыкновенной арены на какую-то другую, углубленную, затем на ледяной каток, на котором выступают известные фигуристы.

Все это эффектно, но действуют таинственные механизмы в темпе замедленной киносъемки. И зрители успевают слегка вздремнуть, пока вращаются гигантские диски манежей. В это же время на специальном балконе идет выступление танцевального коллектива «Маски», которым нас пытаются развлечь и утешить. Однако вся эта хореография настолько скучнее остальных номеров

НА АРЕНЕ, КАК НА ЛАДОНИ

ПРО ЧЕРНОГО И РЫЖЕГО, И НЕ ТОЛЬКО ПРО НИХ...

(Хроника одного вечера)

ветерок, а иногда и комок в горле.

Они очень интеллигентны на манеже, и юмор их совсем не в том, что кто-то кого-то облил водой, а в ответ получил увесистую оплеуху. Конечно, есть и такие, как в цирке говорят, «корючки». Но главное-то в другом. Клоуны хотят, чтобы люди смеялись над наказанным злом, над побитым агрессором и вообще над побежденной несправедливостью.

Их пантомимы в большинстве своем — законченные маленькие спектакли с собственным сюжетом и четко очерченными ролями.

Я СПРОСИЛ клоунов в антракте: — Не тесно ли вам в рамках паузы меж номерами?

Г. Ротман: — Заполнить паузу — это наш долг перед артистами других жанров. Акробаты, фокусники, дрессировщики не должны, выходя на арену, встречаться с остывшим и скужающим зрителем.

Но, кроме того, работа в паузах очень дисциплинирует коверных. Юмор должен быть точным и лаконичным. Мы обязаны появиться в ту самую секунду, когда публика перестала аплодировать предыдущему номеру, быстро сказать и показать все, что хотели, и вовремя уступить арену следующим артистам.

— Но разве не интереснее было бы вам, если бы вы показывали свои миниатюры не по отдельности, с большими интервалами, а подряд, как единый спектакль?

Г. Ротман: — Может быть, это было бы и неплохо. Но это было бы уже другое искусство с другими законами и традициями, с другими требованиями к артистам, с другим репертуаром.

А мы — ребята цирковые, мы любим манеж, знаем его и вовсе не хотим «менять шило на мыло».

— Многие клоуны, даже очень популярные, жалуются на отсутствие свежего репертуара. А вам кто придумывает репризы?

Г. Маковский: — Да сами, кто же еще.

Г. Ротман: — За редким исключением...

— А почему?

Г. Маковский: — Видите ли, у нас, к сожалению, очень мало квалифицированных цирковых авторов. Дело это тонкое. А использовать на манеже, скажем, самые остроумные шутки современных писателей-сатириков чаще всего нет смысла.

Г. Ротман: — Не все, совсем не все, что смешно на бумаге, вызовет хотя бы улыбку в цирке. Юмор литературный и пантомимический — это разные вещи.

ВО ВТОРОМ отделении они показывали «Сказку о воинственном короле» (точнее будет назвать эту миниатюру «Сказкой о том, как добрый садовник побеждает злого короля»), потом очень забавную пародию на ковбойский фильм и другие репризы.

Зрители с нетерпением ждали появления Рыжего и Черного еще и потому,

— Почему среди вашего репертуара, отличающегося мягким юмором, ненавязчивой иронией, даже лиризмом, встречаются репризы вроде «Мышки», рассчитанные на хохот?

Г. Ротман: — Четкое амплуа, в том числе и маска клоуна, — это вещь полезная. Зрители привыкают к артистам, знают, чего от них ждать. Но вместе с тем, амплуа очень ограничивает, сковывает. А нам хочется иногда попробовать себя в новой тональности юмора. К буффонаде же мы вообще относимся с любовью. Мечтаем даже сделать целую программу по мотивам старого балаганного цирка.

Г. Маковский: — Если говорить о старом цирке, то надо вспомнить, что клоуны тогда не столько заполняли паузы, сколько служили как бы живой сатирической газетой. Горожане, особенно беднота, ходили в цирк часто, и не только потому, что это было недорогое удовольствие. Каждый вечер на манеже можно было услышать свежие и достаточно злые шутки по поводу событий, случившихся еще днем.

Пожарная команда опоздала на пожар — и клоуны смеются над незадачливым брандмейстером, жуликоватого купца поймали за руку — и коверные издеваются над лавочниками...

— Вы с такой грустью вспоминаете о язвительной и быстрой на расправу сатире ваших предшественников, а сами вроде бы предпочитаете шутки добрые, мягкие и неторопливые...

Г. Ротман: — Да, это так. И, наверное, будем верны своей прежней творческой манере. Но все-таки жаль, что ушли времена чистой импровизации и ядовитой издевки в клоунаде. В этом смысле цирк сейчас приблизился к театру. Мы играем написанные, тщательно продуманные роли и понимаем, что «отсебятина» хуже, слабее, чем выношенное и отрепетированное.

КОГДА мы вышли из опустевшего цирка и шагали через каменные то рвы и надолбы (это обычные огрехи строительства — здание закончено, а вокруг такое делается, что хоть занимай круговую оборону), я спросил Ротмана и Маковского:

— А что такое Клоун? Какова главная его черта?

Они помолчали, и затем Ротман ответил:

— Я вам расскажу маленькую байку. Покойный Арнольд Григорьевич Арнольд, старейший цирковой режиссер, человек у нас очень уважаемый, был однажды на внушительном совещании, где обсуждалось творчество одного нашего коллеги. Арнольда спросили, что он думает об этом артисте. И он сказал: «Милый мальчик, славный, симпатичный. У него, как у коверного, только один недостаток — он не смешной».

Так вот, мы думаем, что главная черта клоуна — быть смешным.

Каждый вечер ряды цирка заполняются людьми, которые хотят посмеяться над нашими репризами. И если это будет не смешно, значит, нам не удастся высказать что-то очень серьезное, ради чего мы, собственно, и выходим на арену.

С. ВИШНЯКОВ.

Фото Б. ВИТАЛИНА.

